

Е. А. Морозова

СЕМАНТИКА ЖЕНСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 30-х ГОДОВ

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.
Научный руководитель – доктор философских наук, доцент И. К. Москвина*

Статья посвящена анализу семантики женской сексуальной привлекательности в советской культуре 30-х гг. В свете традиционализма, обрaмленного рамками тоталитарной идеологии, советская культура 30-х гг. открывает длительную эпоху отрицания и подавления сексуальности. В связи с этим меняются культурные приоритеты по отношению к женщине и требования к репрезентации ее сексуальной привлекательности. Однако за завесой декларируемой асексуальности советской культуры скрывалось сексуально активное общество, требующее эротических образцов для выплеска скрываемой сексуальной энергии, что подтверждается при анализе культурных текстов изучаемого периода.

Ключевые слова: *семантика, сексуальная привлекательность, советская культура, гендерная культурология, женщины, тоталитаризм, визуальные образы, женственность, мужественность, подавление сексуальности, телесность.*

Е. Morozova

SEMANTICS OF FEMALE SEXUAL APPEAL IN SOVIET CULTURE OF THE 1930S

The article is devoted to the analysis of semantics of female sexual appeal in Soviet culture of the 1930s. In the light of the traditional representations within the framework of the totalitarian ideology, Soviet culture of the 1930s opened a long epoch of negation and suppression of sexuality. In this connection the cultural priorities in relation to a woman and the requirements for representation of her sexual appeal changed. However, behind the veil of declared asexuality of Soviet culture, sexually active society was hidden, and it demanded some erotic samples for splashing out of hidden sexual energy, which is proved by the analysis of cultural texts of the studied period.

Key words: *semantics, sex appeal, sexuality, appeal, Soviet culture, gender culturology, women, totalitarianism, visual images, femininity, manhood, suppression of sexuality, corporality.*

В последние годы XX в. возрос интерес к изучению повседневных практик жизни людей в различные культурно-исторические периоды; делаются попытки семиотической интерпретации тех или иных культурных явлений. В рамках этих исследовательских подходов, в контексте гендерного изучения советской истории интересно рассмотреть формы выражения женской сексуальной привлекательности в советских культурных текстах, провести их семантический анализ.

Вопрос о сексуальности в советской культуре 30-х гг. представляется сложным и многоаспектным. До последнего времени тезис о том, что «в советской стране секса нет» возводил данный ракурс исследования советской истории в негласный контекст. В последние годы появилось немало работ, касающихся темы советских сексуальных практик, взаимоотношений полов, репрезентации тела в советский период [3; 5; 8; 13]. Активная, даже воинственная сексуальность сталинской эпохи, выявляющаяся при семан-

тическом анализе культурных текстов, не вызывает сомнения, что подчеркивается многими современными исследователями. Непосредственно сексуальную культуру советской эпохи изучал М. Золотоносов, анализируя садово-парковую скульптуру [9]. Гендерную проблематику сексуальных отношений изучаемого периода представила в своих трудах И. Жеребкина, анализируя судьбы ярких представителей советской культурной и политической элиты [6]. Представления о женской красоте, моде, сексуальности в СССР исследовала по материалам массовых культурных текстов и воспоминаниям современников Ю. Градскова [3].

В 20-е гг. в советской России происходил уникальный в своем роде эксперимент, при котором советская политика в отношении семьи и сексуальности была наиболее либеральной. Это – время социальной нестабильности и трансформации общественных отношений в России. В больших городах обсуждались и практиковались свободные сексуальные отношения, незарегистрированное сожитие было обычным явлением, а аборт и разводы – легальны и доступны для населения. С начала 30-х гг. сталинский режим ужесточает законодательство: этот период И. Конн назвал периодом сексофобии, отрицания и подавления сексуальности [10]. Советская власть определила роль сексуальности в социалистическом обществе – биологическое воспроизводство, четко определены гендерные патерны.

По мере укрепления тоталитарного режима, идеология «сексуального освобождения» все больше уступала место призывам к «преобразованию сексуальной энергии в энергию строительства коммунизма» [7, с. 56], а сексуальная жизнь советских граждан оказывалась вытесненной за рамки официального дискурса. С 1930-х гг. начинает формироваться представление о бесполом и асексуальном советском обществе.

На протяжении 1930-х гг. стали устанавливаться четкие половозрастные роли. Достаточно жестко определялся стиль поведения мужчины и женщины, устанавливался и

тип красоты, которым они должны были обладать. Женская красота становится максимально маскулинизированной, женская сексуальная привлекательность в современном смысле этого слова затушевывается, на первый план выдвигаются физическая сила женщины, здоровое тело и те черты во внешнем облике, которые имеют релевантное значение в процессе деторождения. Семантическое объяснение такого идеала женской красоты можно найти в культурных ориентирах и ценностях советского государства в 1930-е гг.

Меняются культурные приоритеты по отношению к женщине в обществе. Ей приписываются иные функции, ориентированные на традиционализм и патриархальные отношения в семье. Идеал советской женщины, воспевавшийся на торжественных собраниях в честь Международного женского дня 8-е Марта, в журналах «Работница» и «Крестьянка», сочетал в себе традиционные и революционные стандарты: она должна была быть «преданной, трудолюбивой, аскетичной, как ее бабушка времен революции», оставаясь одновременно «любящей матерью и хранительницей домашнего очага» [11, с. 809].

Начиная с 1930-х гг., когда необходимость увеличения рождаемости была осознана советским руководством как одна из первоочередных задач, физиологические обязанности женщины перед обществом стали ее государственным долгом, в результате чего женская телесность стала объектом прямого государственного регулирования. Женщина обладала той способностью, которой не обладал мужчина. Эта способность интерпретировалась, как непосредственно связанная с особенностями строения ее тела, и должна была охраняться в интересах общества в целом.

Так как женское тело предназначалось прежде всего для репродукции, то вопрос о женской сексуальности, ее особенностях и развитии, практически не ставился. Советское представление о женской сексуальности продолжало сохранять многие патриархальные черты и было естественно связано с репродукцией. Внешняя бесполость и бесте-

лесность «советской женщины» приводила к трудностям идентификации женщины со своим телом и влияло не только на качество ее сексуальной жизни, но и на уровень ее самоуважения, препятствуя ее самоидентификации по принципу равенства с мужчиной [3, с. 47].

Другим контекстом, в котором разрабатывался новый женский образ, стала концепция тотальной войны. Благодаря активной пропаганде, она была широко распространена на уровне массового сознания и формировала «ожидания» советских людей в межвоенный период. Доминирующим типом женственности был образ молодой женщины, комсомолки, занимавшейся одним из военизированных видов спорта. Образ летчицы или парашютистки из всех женских репрезентаций был максимально приближен к доминирующему типу советской мужественности того времени. Одновременно эта женская репрезентация прекрасно вписывается в общеевропейский контекст межвоенного периода с его массовым увлечением спортом, авиацией и техникой. В этой репрезентации подчеркивалось преодоление традиционной женской повседневности, связанной с домашними заботами, семьей и воспитанием детей.

Вот визуальный идеал девушки той эпохи: «...У нее был тот спортивный вид, который за последние годы приобрели все красивые девушки» – такова Зоя Синицкая из романа «Золотой теленок».

«Передо мной стояла девушка лет шестнадцати, почти девочка, широкая в плечах, сероглазая, с подстриженными и взлохмаченными волосами – очаровательный подросток, стройный, как шахматная фигурка...» – это уже Валя из «Зависти» Юрия Олеши.

Советский психолог Арон Залкинд, писавший много во второй половине 1920-х гг. о новом типе красоты пролетариата, замечал: «Так как у революционного класса, спасающего от гибели все человечество, в половой жизни содержатся исключительно евристические задачи <...> очевидно в качестве наиболее сильных возбудителей должны выявлять

себя не черты классово-бесплодной “красоты”, “женственности”. Бессильная хрупкость женщины ему вообще ни к чему: политически и экономически, т. е. физиологически женщина современного пролетариата должна приближаться и все больше приближается к мужчине» [7, с. 57].

Идеал красоты той эпохи воплощали в своих образах советские киноактрисы. Он был сформирован представлениями о крестьянской «здоровой красоте» славянского типа, что-то вроде иронической «Русской Венеры» Бориса Кустодиева из его серии «Русские типы», преобразованной в мощные тела купальщиц Атександра Дейнеки. Правда, пышные формы Венеры, слишком апеллирующие к телесности, полностью скрыты одеждой, избегающей струящихся или тесно обтягивающих платьев. Контур фигуры вписывается не в восьмерку, а в прямоугольник, уравнивающий поднятые и выпрямленные плечи и бедра, и скрывает таким образом грудь и талию, что также является прямым подавлением сексуальности [2, с. 402].

Красавица в советском быту выводится в массовом искусстве как нечто деструктивное и чуждое. Вызывающая сексуальность женщины, роскошь в одежде, распушенность в поведении на экране либо в изобразительных искусствах ассоциировалась с разлагающимся западом (например образ главной героини в фильме «Цирк»), проявлялись в образах иностранных шпионок. Сексуальное нижнее белье в обыденном сознании ассоциировалось со стыдом и распушенностью [4, с. 236].

Однако сексуальные отношения и чувства мужчин и женщин, даже в условиях декларируемого официального «отсутствия», конечно, никуда не исчезли. Расхожий тезис о мужеподобности образа комсомолки и спортсменки (милитаристский стиль в одежде или просто ношение военной формы, короткая стрижка и пр.) не полностью соответствует действительности. Бесполость мужчин и андрогинность женщин нельзя считать доминирующей тенденцией в гендерных репрезентациях. В «Записках штурмана» Ма-

рины Расковой есть несколько эпизодов, в которых она описывает свои встречи с известной летчицей Валентиной Гризодубовой. Каждый раз она уделяет внимание внешности подруги, отмечая ее стремление следовать моде. Валентина Гризодубова, упоминает Раскова, даже на летном поле могла появиться в туфлях на каблучке, красивом пальто и модной шляпке. Парашютистка Н. Бабушкина, рассказывая о полете их «девичьей команды» на международный авиационный слет в Румынии, как бы невзначай упоминает о том, что у всех девушек на руках был маникюр [12, с. 49].

Таким образом, женственность и воинственность отнюдь не казались несовместимыми. У очаровательных девушек с коммерческих советских плакатов, рекламировавших зубную пасту или духи, на головах – не модные шляпки и не революционные косынки, а летчицкие шлемы.

Специфичен эротизм этой эпохи, его можно назвать спортивным и производительным. Обнаженность, как визуализация эротических чувств, была строго функциональна и связана либо с тренировкой тела, либо с продолжением рода (в работах А. Дейнеки, А. Пластова, А. Герасимова в обнаженном виде изображены матери или женщины телесно предназначенные для материнства). Материнство показано в подобных картинах как священнодействие, а нагота становится элементом выражения его сути [1, с. 24].

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно отметить следующие моменты. В этот период сексуальность переходит от показательно либерального курса к традиционализму, в русло традиционных представлений, обрамленная рамками тоталитарной идеологии. Женской и мужской сексуальности приписывают патриархальные значения и роли в социально-культурных процессах.

Женская сексуальная привлекательность 1930-х гг. как и большинство других социально-культурных и прихологических аспектов человеческой жизни была подчинена государству, ориентирована на создание социалистического общества. Государственная политика пыталась держать ее в рамках репродуктивных целей, что заставляло людей прятать ее за различными видами спортивной, общественной, трудовой активности.

За видимостью совершенно асексуальной советской культуры, ориентированной на трудовые отношения и создание семейных союзов в целях воспроизводства населения, скрывалось сексуально активное общество, требующее эротических образцов для выплеска скрываемой сексуальной энергии. Такими визуальными образцами становились прежде всего женские образы, от которых в обыденной жизни, независимо от идеологических установок, требовалось следить за своей внешностью, одеждой, поведением, за которыми семантически закреплялись традиционно сексуально и эротически активные категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боровский А.* Венера Советская // Русский музей представляет: Венера Советская / Альмонах. СПб.: Palace Editions, 2007. Вып. 182. С. 9–29.
2. *Булгакова О.* Советские красавицы в сталинском кино // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект, 2002. С. 391–411.
3. *Градскова Ю.* Обычная советская женщина – обзор описаний идентичности. М.: Спутник, 1999. 158 с.
4. *Гурова О.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 288 с.
5. *Дашкова Т.* «Работницу» – в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 184–192.

6. *Жеребкина И.* Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2001. 336 с.
7. *Залкин А.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. 400 с.;
8. *Захарова Н. В.* Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ульян. гос. ун-т. М., 2005. 18 с.
9. *Золотоносов М.* Слово и Тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков. М.: Ладомир, 1999. 830 с.
10. *Кон И.* Мускулистая маскулинность. Атлетизм или милитаризм? // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 114–127;
11. *Крылова А.* Советское личное: «Семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон / под общ. Ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 803–812.
12. *Никонова О.* «Давайте прыгать, девушки!» или советский патриотизм в гендерном измерении // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 38–55.
13. *Роткирх А.* Советские культуры сексуальности // В поисках сексуальности: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С. 128–172.

REFERENCES

1. *Borovsky A.* Venera Sovetskaya // Russkiy muzey predstavlyayet: Venera Sovetskaya / Al'monakh. SPb.: Palace Editions, 2007. Vyp. 182. S. 9–29.
2. *Bulgakova O.* Sovetskiye krasavitsy v stalinskom kino // Sovetskoye bogatstvo. Stat'i o kul'ture, literature i kino. SPb.: Akademicheskii projekt, 2002. S. 391–411.
3. *Gradszkova Yu.* Obychnaya sovetskaya zhenshchina – obzor opisaniy identichnosti. M.: Sputnik, 1999. 158 s..
4. *Gurova O.* Sovetskoye nizhneye bel'yo: mezhdru ideologiyey i povsednevnost'yu. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 288 s.
5. *Dashkova T.* «Rabotnitsu» – v massy: politika sotsial'nogo modelirovaniya v sovetskikh zhen-skikh zhurnalakh 1930-kh godov // Novoye literaturnoye obozreniye. 2001. N 50. S. 184–192.
6. *Zherebkina I.* Strast'. Zhenskoye telo i zhenskaya seksual'nost' v Rossii. SPb.: Aletey'ya, 2001. 336 s.
7. *Zalkin A.* Polovoy vopros v usloviyakh sovetskoy obshchestvennosti. L., 1926. 400 s.;
8. *Zakharova N. V.* Vizual'nye zhenskiye obrazy: opyt issledovaniya sovetskoy vizual'noy kul'tury: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Ul'yan. gos. un-t. M., 2005. 18 s.
9. *Zolotonosov M.* Slovo i Telo. Seksual'nye aspekty, universalii, interpretatsii russkogo kul'turnogo teksta XIX–XX vekov. M.: Ladomir, 1999. 830 s.
10. *Kon I.* Muskulistaya maskulinnost'. Atletizm ili militarizm? // Gendernye issledovaniya. 2001. N 6. S. 114–127;
11. *Krylova A.* Sovetskoye lichnoye: «Semeyno-bytovaya» tema v predvovennoy sovetskoy literature // Sotsrealisticheskiy kanon / pod obshch. Red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskii projekt, 2000. S. 803–812.
12. *Nikonova O.* «Davayte prygat', devushki!» ili sovetskiy patriotizm v gendernom izmerenii // Gendernye issledovaniya. 2005. N 13. S. 38–55.
13. *Rotkirkh A.* Sovetskiye kul'tury seksual'nosti // V poiskakh seksual'nosti: sbornik statey / pod red. E. Zdravomyslovoy i A. Temkinoy. SPb.: Izd-vo «Dmitriy Bulanin», 2002. S. 128–172.